

Михаил Шумейко

РЕАЛИЗАЦИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ФУНКЦИИ БЕЛОРУССКИХ АРХИВОВ В 1920–1930-е гг.*

В статье рассматриваются особенности функционирования архивов БССР в 1920–1930-е гг. в сфере реализации ими информационной функции.

Ключевые слова: Центральный государственный архив БССР, информационная функция архивов.

Одной из важнейших функций архивов, начиная* с их возникновения, является информационная, суть которой состоит в обеспечении человека, общества, государства необходимой им ретроспективной информацией, заключенной в сохраняемых архивами документах. Докладчик сознательно отошел от традиционно присутствовавшей в ранее действовавших нормативных правовых актах**, прошлой учебной и научной литературе по архивоведению и архивному делу последовательности в перечислении пользователей информацией, выдвинув на первое место личность, а не государство. Именно человеку должен быть отдан приоритет при выборе основного потребителя архивной информации, идет ли речь о подготовке исторических исследований, чему посвящен настоящий круглый стол, либо затрагиваются иные вопросы, лежащие в социальной, правовой, имущественной сферах. Сегодня это положение стало своего рода аксиомой, не требующей доказательств. Однако, так было не всегда. И с учетом данного обстоятельства нам показалось важным обратиться к периоду становления системы архивных учреждений, включая и юбилея, составивших отрасль деятельности, охватывающую вопросы организации документов в архивах и работы архивных организаций, именуемую архивным делом¹.

Информационная функция архивов не может быть рассмотрена вне контекста ведущихся в 1918–1920-е гг. дискуссий о их взаимоотноше-

ниях с библиотеками и музеями, с одной стороны, и начавшейся их политизацией с приходом в 1921 г. к руководству Главархивом России М. Покровского, с другой.

Как известно, созданный в июне 1918 г. орган по управлению Единым государственным архивным фондом – Главное управление архивным делом – по настоянию его руководителя, видного ученого марксиста, государственного деятеля Д. Гольдендаха (Рязанова) (1870–1938), представлявшего, по мнению знавших его «редкий среди большевиков тип широко образованного человека, считавшегося с мнением других»***, был включен в систему Наркомата просвещения. Последнему были подчинены также библиотеки и музеи, информационная деятельность которых (особенно первых) всегда носила широкий характер. Важно подчеркнуть, что вначале даже предполагалось создаваемому органу подчинить не только архивные, но и библиотечные учреждения. Правда, наиболее дальновидные архивисты сразу же поняли ошибочность такого решения и с научной, и с практически-организационной точек зрения, ибо в основе архивного и библиотечного дела лежат «информационные массивы разного происхождения и свойства, разные презумпции комплектования, классификации и организации использования»².

Таким образом, ведомственная подчиненность архивов Наркомпросу как бы автоматически обеспечивала их публичность, доступность до хранившейся в них информации, способствуя тем самым реализации одной из их важнейших функций – информационной.

* В основе настоящей статьи доклад автора на круглом столе «Архивы как информационная основа исторических исследований (к 90-летию Национального архива Республики Беларусь)», состоявшемся 24 мая 2017 г.

** В ныне действующих Правилах работы государственных архивов Республики Беларусь (Мн., 2006) на первое место уже поставлены интересы граждан, а затем общества и государства (п. 2.; с. 5).

*** Благодаря политическому такту, Д. Рязанову удалось найти общий язык с не скрывавшим своих монархических убеждений, выдающимся русским историком академиком С. Платоновым, ставшим его заместителем по ГУАД.

С отстранением в конце 1920 г. Д. Рязанова от руководства архивным ведомством России и замещением его должности коллегией во главе с М. Покровским, сразу же заявившим, что отныне перед старыми специалистами дверь ЧК должна быть гостеприимно открыта, начинается новый этап в истории архивного строительства, для которого характерны политизация архивов и обусловленная ею закрытость последних. В конце 1921 г. Главархив России будет передан из ведения Наркомпроса в подчинение ВЦИК; примерно тогда же произойдет и переподчинение созданного осенью 1920 г. при Наркомпросе России Истпарта (он будет передан в ведение ЦК РКП(б) на правах его отдела). Разумеется, аналогичные процессы происходят и за пределами России, включая и провозглашенную в январе 1919 г. Белорусскую ССР.

1929 г. стал «годом великого перелома» не только в промышленности и сельском хозяйстве, но и в архивном деле. Именно в этом году органами госбезопасности было сфабриковано так называемое «дело академика С. Платонова» (вариации названий «дело историков», «дело архивистов»), которое послужило сигналом для установления тотального контроля за содержавшейся в архивных документах информацией путем взятия на учет архивным ведомством находившихся вне государственных архивов фондов и коллекций, ограничения доступа до многих собраний, хранившихся в государственных и ведомственных архивных учреждениях и т.п.

Письмо И. Сталина в редакцию журнала «Пролетарская революция» 1931 г. послужило своего рода идеологическим обоснованием необходимости ограничения доступа до хранившейся в архивах ретроспективной информации. С учетом этих обстоятельств становятся понятными причины неуспеха предпринимавшихся в 1930-е гг. государственными архивами Беларуси попыток создания различного рода архивных справочников, путеводителей по архивам, издания архивного ежеквартальника, публикаций обзоров архивных фондов, описей и т.п., о чем будет идти речь далее.

Если же говорить о «наркомпросовском периоде» в истории архивного дела Беларуси, то он по известным причинам, обусловленным прежде всего особенностями национально-государственного строительства республики в первые пять лет ее существования, просматривается достаточно «туманно». В отошедших к РСФСР Витебской и Могилевской губерниях

архивная работа в 1919–1924 гг. велась так же, как и в других собственно российских губерниях: в соответствии с декретом СНК РСФСР «О губернских архивных фондах (Положение)» от 31 марта 1919 г.

С учетом выше указанных особенностей государственного строительства того периода Главархив РСФСР пытался участвовать в создании сети архивных учреждений БССР. Такой вывод можно сделать из решения его коллегии, принятого через четыре месяца после провозглашения Белорусской ССР, в мае 1919 г. В нем, в частности, говорилось: «Просить заслуженного профессора, члена Академии наук Ефима Федоровича Карского, Минск, Веселая ул., 26, принять на себя труд быть уполномоченным [Главархива РСФСР – М. Ш.] по Минской губ., сообщив ему для сведения инструкции и циркуляры уполномоченного, с просьбой о согласии уведомить Главархив по телефону»³.

Через пять месяцев после второго провозглашения независимости Белорусской ССР, 24 декабря 1920 г., бывший главным инспектором Главархива РСФСР В. Пичета, который летом следующего года станет ректором БГУ, командировается российским архивным руководством в Минск для организации там Губернского архивного фонда⁴.

С созданием осенью 1922 г. республиканского Центрархива и утверждением 12 сентября 1922 г. Положения о Центральном архиве ССРБ белорусско-российские архивные отношения будут законодательно закреплены в последнем. В нем, в духе российского декрета от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в РСФСР» говорилось: «Все архивы правительственных учреждений Белоруссии как ведомственные учреждения и всякого рода актохранилища ликвидируются и хранящиеся в них дела и документы образуют единый Государственный архивный фонд Белоруссии в лице Центрального архива Белоруссии, состоящего в административно-хозяйственном отношении в непосредственном ведении ЦИК Белоруссии.

В порядке научной работы Центрархив подчиняется распоряжениям Инспекции научных учреждений НКПБ, в порядке технического управления архивами руководствуется инструкциями и указаниями Главного управления Центрархива при ВЦИК РСФСР [выделено мною – М. Ш.], с которым Центрархив Белоруссии по указанным техническим вопросам может сношаться непосредственно»⁵.

Являвшиеся уполномоченными Главархива по Витебской и Могилевской губерниях Б. Брежго и Д. Довгялло вплоть до возвращения этих губерний в состав Беларуси весной 1924 г. принимали активное участие в научной архивной жизни России, проецируя впоследствии те или иные положения, обсуждавшиеся на архивных конференциях и съездах, делегатами которых они были, на белорусские реалии. В частности, представляет интерес участие Д. Довгялло в работе 1-й Всероссийской конференции архивных деятелей, проходившей 29 сентября – 3 октября 1921 г. в Москве. Некоторые из обсуждавшихся на ней вопросов с подачи Д. Довгялло будут впоследствии рассмотрены на Первой всебелорусской конференции архивных работников (май 1924 г.), Втором совещании архивных работников (декабрь 1927 г.), найдут отражение в его докладах и статьях.

Дело в том, что на российской архивной конференции наряду с носившими официально-официозный характер выступлениями М. Покровского, зав. научно-теоретическим отделом Главархива В. Пичеты, сугубо научным докладом академика М. Богословского и др. прозвучал и «диссидентский» по оценкам современных российских историков-архивистов⁶ доклад зав. научно-теоретическим отделом Петроградского отделения Главархива И. Маяковского «Архив, библиотека и музей», вызвавший оживленную дискуссию среди участников конференции.

Что же всполошило «коммунизированное» руководство Главархива в лице М. Покровского и его команды? На наш взгляд, как раз-таки содержащиеся в докладе И. Маяковского предложения об обеспечении публичности, доступности до информации, заключенной в документах архивов. А это, по его мнению, было возможно при установлении (или сохранении) существовавших генетических связей между выделившимися в отдельную отрасль архивами с библиотеками и музеями, оставшимися в ведении советского наркомпроса (прежнего министерства народного просвещения).

По мнению докладчика деятельность этих трех родственных институций должна быть согласована через образование междуведомственного совещания представителей архивов, библиотек и музеев, «создание высшего правомочного органа, объединяющего деятельность архивов, библиотек и музеев в отдельное самостоятельное ведомство»⁷. Данное предложение, как

нетрудно установить, повторяло разрабатываемый еще при Д. Рязанове проект «Положения о Главном управлении архивным и научно-книжным делом», который, как выше уже отмечалось, был отклонен летом 1918 г. С точки зрения нового, «коммунистического» руководства Главархива, данная идея не могла не оцениваться как своего рода рецидив действий «буржуазных» губернских ученых архивных комиссий, Союза (Общества) российских архивных деятелей, однозначно негативно воспринимавшихся М. Покровским и Ко. И тем не менее, так же, как и на архивной конференции 1921 г., на 1-м съезде архивных деятелей РСФСР (март 1925 г.) И. Маяковский вновь повторяет изложение своих взглядов в докладе «О взаимоотношениях между архивами, библиотеками и музеями»⁸, оформленном затем в виде статьи «Архив, библиотека и музей»⁹. Архивное, библиотечное и музейное дело ученый призывал рассматривать как три составные части «наших культурных начинаний»; хотя при этом он понимал невозможность полного устранения «ведомственных трений» между заинтересованными учреждениями.

Лейтмотивом статьи И. Маяковского является утверждение об общей цели архивов и библиотек, призванных сохранять письменные материалы в таком виде и в таких условиях, чтобы они «целесообразно функционировали». С другой стороны, он считал, что по своей цели музей ближе к архиву, нежели к библиотеке. «Если архив имеет своей целью хранение письменных первоисточников и их функционирование... то в музеях... собраны подлинные отражения жизни, т.е. те же первоисточники, но только вещественного характера»¹⁰. Отсюда следовало, что «архивы, библиотеки и музеи должны спасать и собирать все исторические ценности... но не смешивать их спасение и собирание с распределением, которое должно производиться на основании только функционального разграничения этих учреждений»¹¹.

Призывая к сотрудничеству в центре органа по управлению архивным делом с Главнаукой, Академией наук, библиотеками, музеями, И. Маяковский полагал, что на местах краеведческие организации должны взять на себя часть работы по разбору и приведению в порядок архивных материалов, «чтобы они не лежали в архивах мертвым грузом, что до сих пор случается сплошь и рядом»¹². Им была даже подготовлена и опубликована на этот счет специальная статья

«Об архивах, как одной из областей краеведческой работы»¹³, квалифицировавшая советским архивным руководством как «противодействие ленинскому декрету о реорганизации и централизации архивного дела» и сыгравшая впоследствии роковую роль в научной судьбе ученого¹⁴.

К сожалению чрезмерная политизация архивов, насаждаемая руководством Центрархива России (а с 1929 г. и ЦАУ СССР) в лице М. Покровского*, вела ко все большей их обособленности от библиотек и музеев, снижению и даже частичной утрате важнейших их функций – научно-информационной, источниковой и др. В условиях формирования командно-административной системы управления архивы превращались в закрытые или полузакрытые учреждения, призванные в первую очередь обслуживать запросы этой самой системы. Инспирированное в конце 1929 г. выше упомянувшееся «дело академика С. Платонова» имело своей целью не только сломить непокорную Академию наук, но и изъять из не архивных учреждений (рукописных отделов библиотек, отделов письменных источников музеев и др.) или взять на учет хранившиеся там важные в политическом отношении документы, которые по мнению историков-конформистов припрятались от советской власти и сберегались «для ожидаемого ими монархического хозяина России»¹⁵. «Архивной истории» 1929 г. предшествовало принятие инициированных М. Покровским декретов СНК и ВЦИК «О сосредоточении в Центральном архиве РСФСР находящихся в ведении учреждений и должностных лиц РСФСР архивов активных деятелей контрреволюции, а также лиц, эмигрировавших за пределы республики за время с 1917 г.» от 2 августа 1923 г. и «О сосредоточении в Центрархиве РСФСР архивов семьи Романовых» от 2 сентября 1923 г.¹⁶.

Разумеется, в Беларуси эти документы были сразу же продублированы. 11 февраля 1924 г. Совнарком республики принял постановление «Об обязательной сдаче в Центрархив БССР архивов и архивных материалов лиц бывшей царской фамилии, активных деятелей контррево-

люции и т.д.»¹⁷. В нем со ссылкой на имевшие место случаи «сокрытия или похищения документов, изобличающих злоупотребления над трудящимися БССР со стороны бывших русских царей, их слуг и сторонников, а также разных буржуазных и контрреволюционных властей, партий и организаций» предписывалось государственным учреждениям сдать в Центральный государственный архив БССР подобные материалы. Что касается частных организаций и граждан, то они обязывались в двухнедельный срок заявить о наличии у них подобных материалов с тем, чтобы затем не позже чем через два месяца также сдать материалы в канцелярию Центрархива. Лица, виновные в неисполнении постановления, подлежали привлечению к уголовной ответственности по ст. 102-й Уголовного кодекса.

В конце 1929 г. начинается массовая акция по проверке Центральным архивным управлением Беларуси хранившихся в библиотеках и музеях, а также ведомственных архивах рукописных собраний с целью если не передачи их в архивные учреждения, то взятия на учет и под контроль. Так, по требованию архивного управления 19 декабря 1929 г. была получена из Белорусской академии наук опись дел предшественника академии – Института белорусской культуры (Инбелкульту) ¹⁸. Получение ЦАУ БССР подобных сведений имело место и из других учреждений системы Наркомпроса республики.

9 декабря 1929 г. приказом руководителя Наркомпроса республики (sic! – М.Ш.) «у мэтах размяркаваньня функцый паміж Цэнтрархівам, Дзяржаўнай бібліятэкай і музеямі» под председательством заведующего ЦАУ БССР А. Иодко, в апреле этого года в порядке «партийной мобилизации» сменившего ранее занимавшего этот пост Д. Жилуновича, была создана комиссия в составе директора Госбиблиотеки БССР И. Симановского и научного сотрудника Белорусского государственного музея А. Бурдейко (директор музея В. Ластовский к этому времени фактически был отстранен от руководства) с участием представителя Музея революции БССР¹⁹. Ей поручалось пересмотреть архивные, библиотечные и музейные фонды с целью распределения их по соответствующим учреждениям. При этом обращалось внимание на то, что «архіўныя матэрыялы павінны быць перададзены бібліятэкамі і музеямі Цэнтрархіву, а экспазіцыйна-архіўныя музейныя і

* Об этом свидетельствуют названия докладов, с которыми М. Покровский выступал перед слушателями архивных курсов, участниками съездов архивных деятелей РСФСР «Политическое значение архивов», «Архивное дело в рабоче-крестьянском государстве», «Классовая борьба и идеологический фронт» и т.п.

бібліятэчныя фонды павінны заставацца у музеях і бібліятэках пры згодзе на гэта Цэнтрархіву і пры умове ўзяцця іх на вучот»²⁰. Комиссия должна была завершить работу до 10 января 1930 г., представив «свое меркаванні ў Галоўнавуку на зацьверджаньне»*.

В результате на состоявшемся 22 декабря 1929 г. заседании комиссии было принято Положение о распределении функций между органами ЦАУ, Белгосбиблиотекой и белорусскими государственными музеями и распределении между ними архивных, библиотечных и музейных материалов. Оно состояло из трех разделов, определявших объекты комплектования соответствующих трех институций.

Опираясь на выше упоминавшееся постановление СНК БССР «Об обязательной сдаче в Центрархив БССР архивов и архивных материалов лиц бывшей царской фамилии, активных деятелей контрреволюции и т.д.» от 11 февраля 1924 г., а также положения о ЕГАФ БССР и ЦАУ БССР, утвержденные соответственно 8 мая 1927 г. и 8 декабря 1927 г., Положение 1929 г. обязывало все библиотеки, музеи, научные и другие учреждения, подчиненные Наркомпросу, сдать органам Центрархива все, хранящиеся у них архивные материалы и отдельные документы, независимо от того, каким образом они туда поступили. Материалы, необходимые для текущей научно-исследовательской и экспозиционной работы музейных и библиотечных учреждений могли быть оставлены в последних.

С другой стороны, передаче в Госбиблиотеку республики подлежали наряду с книжными собраниями, ликвидированными библиотеками, складами печатных изданий и поступившие в архивы книжные собрания или библиотеки учреждений, чьи архивные фонды были переданы туда в свое время. Объектами комплектования Госбиблиотеки республики являлись и «Старадрукаваныя кнігі, а таксама рукапісны матарыял, які мае кніжную апрацоўку і афармленне, г. зн. індыўідуальныя творы пісьменства ті навукі і навогул матарыял апрацаваны для грамадскага карыстання ў тым ліку жыццяпісы, апрача летапісаў, хронік, стаўбцоў, інвентароў і т.п.»²¹.

Важным, на наш взгляд, представлялось принятое дополнение к Положению, своего рода «манифест о сотрудничестве» между архивными, библиотечными и музейными учреждениями. Последние брали на себя обязательства на основе взаимопомощи наладить дальнейшее выявление, собирание и обработку соответствующих материалов путем организации и проведения совместных экспедиций и командировок, взаимной информации о возможных источниках пополнения соответствующими материалами тех или иных учреждений. Не был забыт и один из основополагающих принципов – недробимости архивных(музейных, библиотечных) фондов: «У выпадку, калі у тую ці іншую установу трапіць хаця б па прыналежнасці частка матарыялаў, якая разьбівае цельнасьць калекцыі, якая знаходзіцца ў другой установе, гэта частка павінна быць перададзена у меісца захоўваньня асноўнай калекцыі згодна вызначанай у палажэньні спецыялізацыі»²².

Библиотека брала на себя обязательства по оказанию помощи архивам и музеям в комплектовании их библиотек путем передачи в них дублетных экземпляров, остатков «обязательных экземпляров» и т.д.

К сожалению, в значительной части этот «манифест о сотрудничестве» между архивными, библиотечными и музейными учреждениями так и остался своего рода «декларацией о намерениях» и не более того.

Возвращаясь к первым шагам в истории архивного строительства в Беларуси, отметим, что вопросы реализации архивами информационной функции поднимались уже на Первой всебелорусской конференции архивных работников в мае 1924 г. Они затрагивались в докладах инспектора Наркомата РКИ Я. Ракова Делопроизводство и текущие архивы в наркоматах и учреждениях Беларуси и способы их улучшения по программе НОТ», исполнявшего обязанности заведующего Могилевского губернского архива Д. Довгялло «Составление архивных описей», бывшего зав. Витебским губернским архивом Б. Брежго «Сдача, прием, размещение и хранение архивных материалов в Белоруссии».

Характер дискуссий по всем трем докладом свидетельствует, что наших предшественников 90 лет тому назад, как и нас сегодня, волновали прежде всего вопросы уровня описания информации, заключенной в документах как на этапе их оперативного функционирования, так и, пользуясь терминологией нашего российского

* По протоколам заседаний этой комиссии видно, что предназначенный для выполнения функций политцензора представитель Музея революции не участвовал в работе комиссии.

коллеги, в «состоянии покоя». Сторонник карточной системы регистрации и учета документов в текущем делопроизводстве Я. Раков полагал, что применяемая исключительно в библиотечной сфере система может быть использована и в архивном деле. По его мнению, «Прямые негтай сїстэмы ўнясе ў архіўную справу парадак і стройнасьць і значна скароціць працу па адбору і сарціроўцы»²³.

Допуская возможность применения карточной системы описания, Д. Довгялло полагал целесообразным делать это лишь на уровне фонда, предлагая одновременно «чтобы в описях мы тронулись с прежде установленных описей, которые нас запутывали»²⁴. Позицию Д. Довгялло разделял и зав. архивом Витебского высшего педагогического института, известный краевед В. Краснянский. Зам. руководителя Центрархива М. Мелешко считал, что «Мы не будзем мець магчымасьці задавальняць свае патрабаваньні, пакуль ня прайдзем на апісаньня архіваў па картачнай сьстэме»²⁵.

Ему возражал Б. Брежго, полагая, что составление описей по карточной системе вряд ли достигнет ожидаемых результатов. «Нам, – говорил он, – придется долгое время пользоваться теми описями, по которым нам сдают в архив дела свои учреждения. Архив – не библиотека, где каждая книга не связана друг с другом»²⁶.

С целью повышения информационного уровня создаваемого архивами научно-справочного аппарата Б. Брежго предлагал составлять внутренние описи к делам, принимаемым на постоянное хранение (он называл их «частными описями к бумагам, находящимся в деле»). «В этой описи, – подчеркивал он, – должно быть точно указано содержание каждой отдельной бумаги. Она должна быть подписана секретарем учреждения и лицом, подготовившим дело к сдаче в архив. Частная опись должна иметь заголовки: «Опись бумагам, находящимся в деле такого-то учреждения, за такой-то год, номер и графа: «номер по порядку», «содержание бумаги» и «на каком листе бумаги находится»²⁷. Его позицию не разделял Д. Довгялло, считавший, что это затруднит передачу учреждениями дел в архив.

В итоге конференция поручила Б. Брежго и Д. Довгялло пересмотреть действовавшую инструкцию о составлении описей дел в учреждениях, а руководству Центрархива – утвердить ее и распространить по всей республике. Было также принято решение о целесообразности

разработки вопроса о переходе на карточную систему и в качестве опыта предлагалось сделать это на одном из фондов Центрархива.

Д. Довгялло в качестве основы описания считал возможным использовать разработанную и утвержденную 3 июля 1922 г. Коллегией Главархива России форму описи, дополнив ее графой, в которой бы помещалась отметка по десятичной системе, к какому разряду относится включенное в опись дело. Одновременно он, как и проф. А. Пресняков в Петрограде, полагал «необходимым иметь еще краткое исчерпывающее описание каждого фонда».

Выступавший в дискуссии по докладу В. Пичета исходя из реального положения дел (дать как можно быстрее возможность лицам, работающим в архиве, разбираться в массе архивных документов) предлагал со своей стороны «составление краткого формуляра; научно же описывать в данный момент необходимо только лишь самые древние документы с величайшей точностью»²⁸.

Выступая с заключительным словом, Д. Довгялло отмечал: «Наша опись не будет по форме тех описей; скорее, она будет просто служить путеводителем к тому фонду, к которому приступает данное лицо к работе. Что же касается архивов революционных, то они будут жить пока теми описями, по которым они сдают в архив. А мы должны составить опись для старых архивов, и я считаю предложенную мною форму практически потребной»²⁹.

Обсуждение вопроса о необходимости активизации информационной деятельности архивов было продолжено и на Втором совещании архивных работников, состоявшемся в декабре 1927 г., несмотря на то, что в отличие от Первой архивной конференции в повестке дня работы совещания не было специального доклада на эту тему. Отметим, что работа самого совещания прошла под знаком, с одной стороны, принятого 28 мая 1927 г. «Положения о Едином государственном архивном фонде БССР», законодательно закрепившего фактически существовавший уже с 1923 г. в структуре Минского исторического архива Центральный архив Октябрьской революции БССР, с другой – достигшего своего пика развития краеведческого движения в республике.

В выступлениях многих участников совещания содержались предложения об усовершенствовании разработки научно-справочного аппарата архивов, издании специального бюллетеня

тения ЦАУ БССР и др. Так, ст. архивист Минского исторического архива М. Вахаев обращал внимание на крайне низкий информационный уровень карточек, присылаемых архивными учреждениями в Централхив и призывал к составлению хороших инвентарных описей, а в последующем – центральной картотеки. Заведующий Бобруйским окружным архивом П. Тараймович говорил: «ужо можна падумаць аб выданні інвэнтарных вопісаў на маючы гістарычны матар’ял, што дасьць мажлівасць дасьледчыку азнаёміцца з апошнім. Гэтыя апісі патрэбны ў практычнам карыстаньні, так як часта зварочваюцца за выдачай справак, а мы ня ведаем, ці ёсьць гэтакі архматар’ял у гістарыках»³⁰.

На совещании не без влияния, как нам представляется, выше упоминавшихся положений докладов и статей И. Маяковского был поднят вопрос о взаимодействии архивных учреждений с истпартотделами ЦК КП(б)Б, библиотечными и музейными учреждениями, а также краеведческими организациями. С докладом на эту тему выступал М. Мелешко*.

В принятой по его докладу резолюции подчеркивалась необходимость установления архивными учреждениями на местах более тесной связи с краеведческими организациями, привлечения краеведов к разработке архивов с целью концентрации последних в окружных хранилищах. Совещание пока еще оставляло за музейными и библиотечными учреждениями право хранения архивных фондов и коллекций. Более того, архивные учреждения были готовы передавать им те архивные материалы, «якія не абавязкова захоўваць у архіўных установах»³¹.

Совершенно в духе выше упоминавшейся «диссидентской» статьи И. Маяковского «Архивы как одна из областей краеведческой работы» Д. Довгялло предлагал не спешить с концентрацией материалов дореволюционных архивов в исторических архивах. «Добра было б іх захоўваць на месцах, – говорил он, – паступова і па меры магчымасьці выкарыстоўваю мясцовымі працаўнікамі-краязнаўцамі»³².

Однако, эти пожелания так и останутся не реализованными в силу обстоятельств, о которых шла речь выше. Это совещание, на наш

взгляд, станет последним научным форумом белорусских архивистов, на котором еще был возможен плюрализм мнений его участников. Для последующих совещаний характерным станет жесткое регламентирование обсуждаемых вопросов, узкий состав участников (в основном – руководящие работники архивных учреждений).

Разумеется, в подобных условиях не могла быть реализована информационная функция архивов. Рассматривая архивы в качестве «острого политического и идеологического оружия», партийное руководство республики негативно реагировало на любые попытки белорусских архивистов сделать более доступным информационный потенциал, заключенный в сохраняемых ими документах. Такой вывод можно сделать исходя из обращения А. Иодко в начале 1930-х гг. в Президиум ЦИК БССР с инициативой издания ежеквартальника «Архив Савецкай Беларусі», публикации обзоров архивных фондов, каталогов, архивных описей и т.п. Эта инициатива, оформленная в виде докладной записки, прежде чем попасть туда, куда была адресована, побывала в Культпропе ЦК КП(б)Б, чиновник которого оставил на ней свою резолюцию «о неэтактазгоднасці выдання». После нее высшее должностное лицо республики – А. Червяков – вынужден был согласиться с мнением партийного клерка³³.

В конце 1930-х гг. информационная деятельность государственных и партийных архивов приобретет достаточно узкую направленность, прежде всего – на обеспечение соответствующей информацией вышестоящие информационной функции архивов не оставалось ни места, ни времени.

Разумеется, в этих условиях для реализации научно-партийные и государственные органы. Здесь мы имеем в виду начавшуюся с 1935 г. по всей стране, включая Беларусь, проверку партийных документов*, а также соответствующую работу по выявлению «контрреволюционного элемента» в Западной Беларуси, которая была начата после 17 сентября 1939 г.

¹ Делопроизводство и архивное дело. Термины и определения. ГОСТ 16487-70 Издание официальное.

* Текст доклада М. Мелешко отсутствует среди материалов совещания, однако, мы предполагаем, что основные его положения были изложены автором в статье «Краязнаўства і архівы Беларусі», опубликованной в № 11 журнала «Наш край» за 1927 г.

* Объем справочной работы был так велик, что ЦК КП(б)Б в июле 1935 г. вынужден был даже принять специальное постановление «О помощи Могилевскому партархиву в связи с проверкой партдокументов» (НАРБ. Ф. 4 п. Оп. 1. Д. 7747. Л. 56).

Москва : Госкомстандарт Совета Министров СССР, 1970. С. 3.

² *Старостин Е. В., Хорхордина Т. И.* Архивы и революция. М.: РГГУ, 2007. С. 96; *Автократов В. Н.* Теоретические проблемы отечественного архивоведения. Москва : РГГУ, 2001. С. 348.

³ *Шумейко М. Ф.* Университет и Централархив: история взаимоотношений // Архивы и делопроизводство. 2016. № 6. С. 90.

⁴ Там же. С. 91.

⁵ Архивное дело в БССР (1918–1968). Сборник законодательных и руководящих документов. Мн.: «Польмя», 1972. С. 18–19.

⁶ *Хорхордина Т. И.* «Неизвестный» И. Л. Маяковский (1878–1954). Москва : РГГУ, 2001. С. 32.

⁷ I Всероссийская конференция архивных деятелей. Москва. 29 сен. – 3 окт. 1921 г. // Архивное дело. 1923. Вып. 1. С. 117.

⁸ См.: Протоколы I съезда архивных деятелей РСФСР. 14–19 марта 1925 г. Москва, 1926.

⁹ Архивное дело. 1926. Вып. V–VI. С. 45–56; Вып. VII. С. 21–36. Обстоятельная его характеристика содержится в книге современного российского историка-архивиста: *Хорхордина Т. И.* «Неизвестный» И. Л. Маяковский (1878–1954). Москва : РГГУ, 2001. С. 34–39.

¹⁰ Архивное дело. 1926. Вып. VII. С. 24.

¹¹ Там же. С. 36.

¹² Там же. С. 30–36.

¹³ Краеведение. 1927. № 1. С. 47–62.

¹⁴ Подр. об этом см.: *Хорхордина Т. И.* «Неизвестный» И. Л. Маяковский (1878–1954). Москва : РГГУ, 2001.

¹⁵ *Зайдель Г. С., Цвибак М. М.* Классовый враг на историческом фронте. Москва ; Ленинград, 1931. С. 98;

подр. об этом см.: *Брачев В. С.* Служители исторической науки. Академик С. Ф. Платонов. Профессор И. Я. Фроянов. Санкт-Петербург, 2010. С. 324–339.

¹⁶ Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. Москва, 1923. № 72. Ст. 703; № 76. Ст. 740.

¹⁷ Архивное дело в БССР... С. 29–31.

¹⁸ НАРБ (Национальный архив республики Беларусь). Ф. 249. Оп. 1. Д. 287. Л. 181–192. В данном случае можно сказать: «нет худа без добра»: благодаря присылке описи архива Инбелкульта известно о составе последнего. Сегодня его фонд в ЦНА НАНБ составляет 38 дел, между тем как в описи 1929 г. значится более 300 дел.

¹⁹ НАРБ. Ф. 249. Оп. 1. Д. 297. Л. 43.

²⁰ Там же.

²¹ Там же. Л. 39.

²² Там же. Л. 40.

²³ Первая всебелорусская конференция архивных работников. 12–15 мая 1924 г. Документы и материалы. Мн.: БелНИИДАД, 1999. С. 31.

²⁴ Там же. С. 33.

²⁵ Там же.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. С. 100.

²⁸ Там же. С. 37.

²⁹ Там же.

³⁰ Второе совещание архивных работников Беларуси 19–24 декабря 1927 г. Документы и материалы. Минск : БелНИИДАД, 2001. С. 19.

³¹ Там же. С. 33.

³² Там же. С. 15.

³³ НАРБ. Ф. 6. Оп. 1. Д. 2848. Л. 18–21.

У статті розглядаються особливості функціонування архівів БРСР у 1920-1930-і рр. в сфері реалізації ними інформаційної функції.

Ключові слова: Центральний державний архів БРСР, інформаційна функція архівів.

The article deals with the peculiarities of the functioning of the archives of the BSSR in the 1920s and 1930s in the realm of their implementation of the information function.

Key words: the Central State Archives of the BSSR, information function of archives.